

дать, что лексический состав эрзянских говоров обнаруживает целый ряд особенностей, отличающих их от литературного языка. Предлагаемая методика, а также обработка и систематизация глагольной

диалектной лексики могут оказаться полезными в дальнейших исследованиях эрзянского языка, а также в развитии эрзянского литературного языка.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1988.2.15>

Г. А. Некрасова, *л-овые падежи в коми языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1987.*

9 ноября 1987 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Галины Александровны Некрасовой «*л-овые падежи в коми языке*». Работа выполнена под руководством профессоров А. Кюннапа и П. Альве. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук, профессор И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук А.-Р. Хаузенберг (Таллин).

Специального системного анализа *л-овых падежей коми языка* до сих пор сделано не было и нерешенных проблем в этой области достаточно. Интерес представляют такие вопросы, как время появления *л-овых падежей*, связи между соответствующими падежными группами прибалтийско-финских, марийского и пермских языков, причины, обусловившие определенное сходство в структуре падежей и различия в функциях. Весьма поверхностные сведения привлекаются при рассмотрении семантики падежей, поскольку эта сфера практически не исследована. Расплывчата и картина употребления альтернативных падежных форм, удовлетворительных рекомендаций по использованию падежей нет ни в школьных учебниках, ни в грамматиках научного направления. Наиболее обстоятельное на сегодня исследование падежной системы коми языка — опубликованная в 1985 г. работа Р. Бейкера «*The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation*» — не заполняет целиком пробел в изучении *л-овых падежей*. Эта работа опирается на доступный автору, т. е. опубликованный в печати, диалектный материал. Автор анализирует отдель-

ные спорные вопросы с учетом падежной системы как единого целого, приводит новые положения о существенной роли одушевленности и определенности в коми склонении, освещает основные критерии отграничения падежных морфем от послелогов. Цели исследований Бейкера и Некрасовой различны. Г. Некрасова исходит из современного литературного языка, но принимает в расчет и диалектные особенности. Ее тоже интересуют происхождение падежей и тенденции их развития, но при рассмотрении этих вопросов основной упор делается на семантику. Ее цель — дать полный и системный анализ семантики *л-овых падежей* и характеристику функционального развития их в синхронии. Тем самым работы Бейкера и Некрасовой не повторяют друг друга, актуальность темы, выбранной Некрасовой, сомнений не вызывает.

Структура и объем глав исследования соответствуют поставленным задачам.

В предисловии автор дает обзор выполненных до сих пор работ по падежам коми языка, достижений и недостатков их. Предисловие содержит и другие моменты — информацию о примененных методах, привлеченных источниках, об использовании результатов работы и апробации их. Поскольку название «*коми язык*» употребляется в двух значениях, в интересах большей точности можно было указать, что здесь оно идентично наименованию «*коми-зырянский язык*».

Первая глава (30 с.) посвящена происхождению и развитию *л-овых падежей*. Естественно, в центре внимания автора оказались *л-овые падежи прибалтийско-финских, марийского и пермских языков*. Автор поддерживает точку зрения, согласно которой источником *л-ового коаффикса* является древний словооб-

разовательный суффикс с локативным значением, и подчеркивает, что именно нейтральное, отвлеченное значение могло послужить основой возникновения семы эксклюзивности внешеместных падежей.

Труднее установить, каким было первоначальное значение пермских генитива, аблатива и датива — выражение принадлежности или локальных отношений. На основе значения исходных компонентов примарным признано локальное, а в современном языке превалирует значение принадлежности. Чтобы рассеять всякое сомнение в примарности значения локальности, автор сравнивает глубинные семантические структуры выражения посессивных и пространственных отношений, показывает их сходство и взаимосвязь и находит в этом подтверждение тому, что локальное значение было для *л*-овых падежей примарным. Однако на основе представленного анализа этот вывод несколько неожидан. Указанная связь позволяет логически объяснить семантическую дифференцированность сходных по структуре падежей в разных языках, а также многозначность форманта в рамках одного языка, но не дает ни одному из них бесспорного предпочтения. Да и нужно ли обязательно подчеркивать, что первоначальное значение было чисто локальным? Поскольку мы имеем дело со столь близкими между собой глубинными структурами, может быть и первоначальное значение было шире — пространственно-притяжательное?

Вторая, самая обширная по объему глава (140 с.) посвящена функциональному анализу *л*-овых падежей. Учетные данные истории языка и факты современного его состояния, последовательно приводятся сопоставительные данные из удмуртского языка.

Фактически всегда проблему для исследователя составляет подбор подходящего метода для описания падежной системы. Автор критически оценивает ограниченные возможности используемых способов описания и наиболее целесообразным для решения поставленных перед собой задач считает системно-функциональный подход, который предполагает прослеживание взаимосвязей морфологической формы, лексического значения и синтаксической роли слова. При необходимости автор учитывает контекст словосо-

четания, предложения или текста, а также интонацию и порядок слов. Установление функций происходит, очевидно, эмпирически по следующей схеме: падеж *X* от субстантивов типа *Y* имеет значение (функцию) *Z* у предикатов типа *P* в конструкции *C*. При рассмотрении столь многих взаимовлияний иногда все же невольно начинает доминировать лексическое значение слова и в число функций падежей попадают такие элементы значений, выражение которых фактически в задачу падежного суффикса не входит. Например, спорной представляется временная функция аппроксиматива (напр. *Арыс матыстчис тӧвлань* 'осень приближалась к зиме'). Здесь время выражает лишь корневое слово, выбор падежа обуславливается глаголом, а функция падежа — выражение цели. Иногда вызывает сомнение различение нюансов посессивного адноминального генитива — эти оттенки содержатся в значении корневого слова и не дифференцируют роли падежной морфемы. Из-за богатства нюансов лексического значения страдает обзорность изложения. К счастью, в настоящей работе перечисление тончайших нюансов значения само по себе целью не было. Именно при помощи деталей автору удалось выделить функции генитивного и номинативного атрибута. Например, одинаково переводятся на русский язык выражения *мӧс юр* ~ *мӧслӧн юр* 'голова коровы', а конструкции с личным именем — по-разному: *Ваня дядь* 'дядя Ваня', *Ванялӧн дядьыс* 'дядя Вани' (с. 67). Интересны замечания Некрасовой об изменении в употреблении падежей: например, номинативный атрибут строго занимает позицию перед основным словом, генитивный же может быть и после него и даже в отрыве от основного слова. Возможно, что постпозиция появилась под влиянием русского языка.

Обзорность изложения дополняет следующий за детальным семантическим анализом каждого падежа т. н. типологический аспект. Здесь автор сопоставляет возможности выражения типовых функций пермских *л*-овых падежей с данными родственных языков. Результаты сопоставления приведены в конце работы в виде таблиц.

В «Типологическом аспекте» автор

пытается установить хронологическую очередность формирования значений падежей. Выводы в рамках исторического развития нельзя принимать в качестве окончательной истины. При анализе развития значения всегда необходимо исходить из примарного значения, которое нелегко установить с абсолютной уверенностью. Глубинная структура значений по сути своей экстралингвистична, скорее обусловлена психологически, и определенные связи значений — универсальны. Например, Лайонз отмечает, что обычно с помощью одних и тех же средств передаются удаление и причина; удаление, отделение и объект сравнения; приближение и цель, логический объект и направление движения и т. д. (J. Lyons, *Introduction to Theoretical Linguistics*, Cambridge 1971, с. 302). Подобные связи характерны и для финно-угорских языков.

Автор и сама в выводах по генитиву призналась: «нельзя с уверенностью сказать, что какая-то одна из семантических функций более древняя» (с. 85). Поскольку речь идет о процессах, протекающих в современном языке, замечания ее можно признать достоверными и нужными. Например, отмечено, что в функции субъекта дебитивного действия датив стремится вытеснить генитив, в некоторых посессивных значениях генитив заменяется аблативом, в отдельных функциях и контекстах послелого вытесняют падежные формы. Последнее бросается в глаза особенно в отношении датива: удмуртскому дативу в коми языке часто соответствует послеложная конструкция.

Интересна дивергенция значений аблатива в столь близких языках, как коми и удмуртский. Для выражения причины разными средствами пользуются даже зырянский и коми-пермяцкий языки. Данные табл. 4 (с. 236) показывают, что функционально удмуртскому языку ближе восточномарийский диалект, чем коми язык. Удмуртскому аблативу в коми языке чаще соответствует элатив. Интересно здесь сравнить также дистрибуции удмуртских аблатива и элатива. Представленное в работе объяснение взаимосвязей пермских аблатива и элатива не совсем убедительно. Слишком много инноваций нужно поместить в общепермское время — два элатива, аблатив, послелого, эг-

рессив и прочее — причем в разных языках семантика общих формантов даже сложилась по-разному. Почему? В имеющихся работах по этногенезу подчеркиваются (в основном опираясь на лексику) близость коми и удмуртского языков, расположение пермских племен в период общности на сравнительно небольшой территории. Что же тогда обусловило обрастающую на себя внимание дивергенцию коми и удмуртских языков на грамматическом уровне?

Остается неясным, что понимает автор под неоднократно используемым выражением «окончательное формирование падежа» (с. 101, 195). Развитие языка, в том числе и падежей, ведь продолжается и о тенденциях к изменениям говорится также в рецензируемом исследовании.

В третью главу выделены инновации в системе коми *л*-овых падежей — а именно сложные суффиксы, образованные в результате контаминации маркера аппроксиматива *-лань* с формантами других местных падежей: иллатива, инессива, элатива, эгрессива, пролатива, терминатива. Указанные суффиксы употребляются редко (в работе приведено лишь 19 примеров), ранее они подробно не анализировались, а потому оставался неопределенным и их грамматический статус. На основе словообразовательной функции суффикса *-лань* Р. Бейкер не считает эти сложные суффиксы маркерами независимых падежей. Некрасова придерживается противоположной точки зрения (с. 181—182). Она верно подчеркивает, что в составе сложного суффикса *-лань* указывает не на направление, а на оттенок приближенности. Хотелось со своей стороны добавить, что *-лань* как бы взял на себя функцию внешнеместных падежей указывать на близкое местоположение — тем самым функцию, которая в пермских *л*-овых падежах, за исключением аппроксиматива, весьма слаба. Поскольку в *л*-овых падежах превалирует функция принадлежности, система падежей с *-лань* может компенсировать собой отсутствующую в коми языке систему внешнеместных падежей.

Заслуживает одобрения и проведенный автором статистический анализ употребления падежных форм. Он характеризует частотность отдельных падежных

форм в функционально различных текстах — разговорной речи, художественной литературе и публицистике. Интерпретация цифровых данных обнаруживает некоторые интересные тенденции. Например, генитив наиболее употребим в публицистике, реже всего — в разговорной речи. Из 19 примеров на аппроксиматив 17 почерпнуты из художественной литературы. Автор отмечает, что доминирование генитива и аблатива в письменной форме обусловлено применением их вместо номинатива, а низкая частотность некоторых падежей объясняется наличием других грамматических средств для выражения идентичных отношений.

Обстоятельный анализ дает исчерпывающий обзор функционирования л-овых падежей в системе, представляет много новой информации о семантических и формальных связях, характеризует разви-

тие падежей в прошлом и настоящем. Автор вносит коррективы в некоторые оценки и мнения, что следовало бы учитывать не только при составлении научной грамматики коми языка, но и в других исследованиях по пермской грамматике. Данные дистрибуции синонимичных форм желательно иметь в виду при практическом преподавании коми языка. Анализ, опирающийся на обширный материал, представляет собой достоверный и очень интересный материал в аспекте общелингвистической типологии и универсалий. Научный руководитель работы особо отмечал трудолюбие и самостоятельность молодого исследователя. Остается лишь пожелать, чтобы Г. Некрасова так же усердно продолжала исследование своего родного языка.

АНУ-РЕЭТ ХАУЗЕНБЕРГ (Таллин)

ФОНЕТИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС В ТАЛЛИНЕ

С 1 по 7 августа 1987 года в Таллине проходил XI Международный конгресс фонетических наук. Основная нагрузка по организации этого крупного мероприятия пришлось на долю Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР.

В настоящее время фонетиков объединяют две международные организации. Старшая из них — Международная фонетическая ассоциация (IPA) — основана столетие назад. Юбилей ее был отмечен во время таллинского конгресса праздничным банкетом. Первым и, пожалуй, важнейшим предприятием IPA стала разработка международной фонетической транскрипции. Для пропаганды последней IPA в своем журнале «*Le Maître Phonétique*» публиковала статьи, выполненные в фонетическом письме. В наши дни печатный орган IPA выходит под названием «*Journal of the International Phonetic Association*». Как в этом, так и в других изданиях дискуссия о транскрипции продолжается, поэтому у президента IPA Петера Ладефогда были все основания представить таллинскому конгрес-

су доклад с предложениями о поправках к международной фонетической транскрипции. Более молодая организация — Международное общество фонетических наук (ISPhS). Оно публикует информационный бюллетень — «*The Phonetician*», рассылаемый членам общества. Однако важнейшей трибуной, объединяющей фонетиков, со временем стали фонетические конгрессы. Решение об их созыве принимает постоянный совет фонетических конгрессов, состоящий из 30 членов. Первый конгресс проходил в 1932 г. в Амстердаме, затем последовали — в Лондоне (1935), Генте (1938), Хельсинки (1961), Мюнстере (1964), Праге (1967), Монреале (1971), Лидсе (1975), Копенгагене (1979) и Утрехте (1983). Во время работы очередного конгресса постоянный совет проводит заседание, на котором выбирает место для работы следующего конгресса. В Утрехте вопрос стоял о Нью-Йорке и Таллине и в ходе голосования чаша весов склонилась в пользу последнего. В наше время конгрессы проводятся с четырехгодовичным перерывом. На конгрессе в Таллине местом проведе-